

УДК 141.7

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-451-460

Нация и национализм в контексте развития современных обществ: отечественный и зарубежный опыт

Черных С.С.

Южно-российский Государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,

Россия, 346428, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены специфика и формы проявления национализма в связи с модернизацией обществ на основе распространения и внедрения в массовое сознание представлений о суверенной нации, способной включить в себя большинство граждан страны, наделяя их политическими правами. Отмечено, что образ гражданской нации сыграл важную роль в формировании горизонтальных связей и солидарности при переходе от сословной стратификации общества к его преимущественно классовому устройству в период становления капитализма. Показаны особенности формирования этнического национализма в результате политизации этнической субъектности с учётом распространения права наций на самоопределение. В заключение сделан вывод о том, что историческое (советское) наследие России, включающее в себя институционализацию и территориализацию этнического национализма меньшинств, препятствует формированию общероссийской нации на основе развитой гражданской идентичности.

Ключевые слова: модернизация, нация, институционализация и территориализация этничности, гражданский национализм, этнический национализм, культурный сепаратизм.

Для цитирования: Черных С.С. 2021. Нация и национализм в контексте развития современных обществ: отечественный и зарубежный опыт. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 451–460. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-451-460

Nation and Nationalism in the Context of the Development of Modern Societies: Domestic and Foreign Experience

Sergey S. Chernykh

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)
132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk, Rostov Region, 346428, Russia
E-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Abstract. The specifics and forms of manifestation of nationalism in connection with the modernization of societies on the basis of the dissemination and introduction into the mass consciousness of ideas about a sovereign nation that can include the majority of citizens of the country, giving them political rights are considered. It is noted that the image of a civil nation played an important role in the formation of horizontal ties and solidarity during the transition from the class stratification of society to its predominantly class structure during the formation of capitalism. The features of the formation of ethnic nationalism as a result of the politicization of ethnic subjectivity, taking into account the spread of the right of nations to self-determination, are shown. In conclusion, it is concluded that the historical (Soviet)

heritage of Russia, which includes the institutionalization and territorialization of ethnic nationalism of minorities, prevents the formation of an all-Russian nation on the basis of a developed civil identity.

For citation: Chernykh S.S. 2021. Nation and Nationalism in the Context of the Development of Modern Societies: Domestic and Foreign Experience. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right, 46 (3): 451–460 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-451-460

Введение

Изучение разнообразных аспектов национализма в его связи с понятием «нация» и процессами модернизации общества представляется актуальным, поскольку имеющий сразу несколько измерений рассматриваемый нами социально-политический и культурный феномен является важным фактором формирования как гражданских, так и этнических идентичностей населения большинства стран планеты. В данной связи необходимо отметить, что само понятие «нация» (*natio*) в переводе с латинского языка обозначает *племя, род*, что сохраняет за ним сильные этнические коннотации, которые далеко не всегда как в теории, так и в особенности на практике могут быть строго блокированы исключительно гражданским пониманием данного термина. Таким образом, можно вполне говорить о том, что национализм – амбивалентное понятие (диффузного типа), в котором гражданские компоненты содержащихся в нём возможных интерпретаций, как правило, пересекаются с этнокультурными паттернами его восприятия в общественном сознании.

Вместе с тем важно уточнить, что современный национализм также во многом является продуктом модернизации глобального социума, связанного с переходом от доминирования сословных типов стратификации к преимущественно классовым версиям социального расчленения, значительной секуляризацией этнических идентичностей и созданием эгалитарной (в широком смысле массовой) культуры.

Таким образом, национализм представляет собой форму мобилизации населения целых стран или отдельных регионов (как правило, стремящихся к сепаратизму), способной в той или иной степени преодолевать классовые различия, зачастую порождая возбуждающие аффекты «патриотического» характера или даже нетерпимости по отношению к внешним (зачастую воображаемым) противникам, «врагам».

В настоящее время в рамках магистральной традиции изучения национализма принято выделять два направления: *модернизм* или *конструктивизм*, наиболее ясно представленный в работах Э. Хобсбаума [Хобсбаум, 1998; Hobsbawm, Ranger, 2000], Э. Геллнера [1991], Б. Андерсона [2016] и др., где национализм понимается главным образом как процесс создания гражданских наций Нового времени, включая политические нации, возникшие после распада мировой колониальной системы и СССР; *примордиализм*, описанный главным образом в произведениях Э. Смита [2004], в рамках которого акцентировалось внимание на культурных особенностях, традициях и этнических корнях будущих наций, которые накладывают соответствующие ограничения на их оформление в качестве целостных субъектов политического действия.

В целом же можно говорить о том, что понятие «нация» в его наиболее современном и одновременно мобилизующем значении, способном порождать разнообразные националистические дискурсы, возникло и обрело силу в контексте ключевого документа Французской буржуазной революции XVIII века, широко известного как «Декларация прав человека и гражданина» (франц.: *Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen*). Речь в нем шла о *легитимности суверенной власти*, а именно о том, что «источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит

явно от нации»¹. При этом важно оговориться, что *нация* здесь понималась прежде всего как эгалитарная политическая общность, союз («революционно настроенных») активных граждан страны, разделяющих общие принципы свободы, равенства и братства, которые могут быть вполне реализованы совместными усилиями граждан республики, вне зависимости, например, от их *этнической* или *конфессиональной* принадлежности.

Образ гражданской нации и его роль в процессе модернизации общества

Конструирование целостного образа нации предполагает, что граждане современного социума должны обладать развитым политическим воображением, помогающим отличать представителей других наций от своей собственной. В свою очередь это приводит к появлению национализма, который может вполне полностью совпадать с патриотизмом, особенно когда речь заходит о гражданском почитании национального флага, герба, гимна, определенно-значимых для развития страны исторических событий, государственных праздников или даже эмоциональном переживании за национальную сборную на международных спортивных состязаниях. Таким образом в коллективном представлении содружества граждан должен сложиться образ (мыслимого) сообщества, способствующий налаживанию горизонтальных связей и поддержанию высокого уровня солидарности. В данной связи Б. Андерсон определял нацию именно как «воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [Андерсон, 2016, с. 47]. Вместе с тем политическое воображение любой нации должно стимулироваться и поддерживаться разнообразной (национальной) культурной продукцией, постоянно получая «свежие» впечатления. Так, например, признанные представители нации, начиная уже с юного возраста (посредством образовательных и других воспитательных институтов), должны быть информированы о границах своей нации, зафиксированных на официальных политических картах, и ознакомлены с её наиболее значимыми культурными символами.

Известно, что современные дискурсы о гражданской нации во многом сами являются продуктом буржуазных революций и просветительской идеологии XVIII века, в результате чего утвердилось представление о ней как о довольно широкой общности лиц, обладающих, в-первую очередь, равными политическими правами. По крайней мере, в поле нашего внимания оказываются граждане, способные главным образом посредством демократических институтов избирать и контролировать собственную власть. Таким образом, право полноценного участия в политической жизни страны также во многом является результатом отмены имущественного ценза при голосовании. Здесь можно вполне согласиться с Б. Андерсоном в том, что нация «воображается суверенной, ибо данное понятие родилось в эпоху, когда Просвещение и Революция разрушили легитимность установленного Богом иерархического династического государства» [Андерсон, 2016, с. 49]. Вместе с тем нация уже не мыслится как элитарная (аристократическая) корпорация, представленная, например, шляхтой Речи Посполитой или благородным дворянством Российской Империи, а, напротив, воспринимается как вполне эгалитарная общность граждан, не только проживающих на общей территории, использующих в общении стандартизированный язык, но и в массе разделяющих представление о собственном единстве.

Таким образом, современное понятие «нация» является оператором внедрения и распространения практик массовой демократии, способной революционизировать общество. Но вместе с тем в контексте модернистских и в целом реформистских тенденций

¹ Декларация прав человека и гражданина 1789 года. Статья 3 [Электронный ресурс]. <http://larevolution.ru/declaration.html> (дата обращения: 20.01.2020).

(направленных на нивелирование или хотя бы маскировку прежних сословных привилегий) более значимым статусом наделяются этнические различия, которые ранее ассоциировались с народной культурой, а следовательно, с культурой «низших» слоёв населения. Поэтому зачастую в дальнейшем именно этнические различия становятся драйверами национализма. «Понятие “нация” перенимает у понятия “народ” (peuple, people) фоновое значение нижней прослойки, даёт основание для деаристократизации политической системы и делает возможным в начале XIX в. новое видение понятия “народ” как специфически политического. Здесь происходит поворот от понятия из прошлого к понятию из будущего, к понятию, требующему единства личной и народной идентичности. Здесь предлагается весьма ясная, совсем простая в обращении схема различения: нация отличается от других наций (а, например, не от аристократии или деревенской жизни, как и не от хозяйства или науки)» [Луман, 2009, с. 200]. Речь, таким образом, идёт о том, что в данном понятии концентрируются представления народа-населения о собственной политической субъектности.

По мере всё большего включения современных наций в процесс глобализации классические представления о национальном суверенитете подвергаются существенной корректировке. В первую очередь это происходит в связи с ростом прогрессирующей зависимости государств от требований мировой экономики, увеличением мощи транснациональных корпораций и повышением роли наднациональных структур в системе глобального управления. К тому же значительная часть современных наций не соблюдает нейтралитет в отношении собственного участия в военно-политических блоках, а главное, предоставляет национальную территорию для размещения войск и стратегических вооружений своих союзников, представляющих иностранные государства. «Любая теория национального суверенитета, которая понимает суверенитет как неустранимую и неделимую форму общественной власти и силы, – по мнению У. Бека, – строится на недооценке сложности ситуации. Суверенитет сегодня следует понимать и изучать как расчлененную власть, расчлененную между целым рядом национальных, региональных и интернациональных акторов и являющуюся – по причине этой имманентной множественности – ограниченной и скованной» [Бек, 2001, с. 85]. В данной связи важно обратить внимание на заметный всплеск региональных национализмов (Квебек в Канаде, Фландрия в Бельгии, Каталония в Испании и т.д.), которые не только поддерживают и развивают культуру отдельных регионов (главным образом посредством самостоятельной языковой политики), но и в процессах глобальной экономической интеграции выступают вполне активными и самостоятельными субъектами социальных изменений.

Вместе с тем гражданская нация предстаёт как общность, во многом призванная по-прежнему цементировать единство страны, в том числе путём создания (внутреннего) классового компромисса. В данной связи можно вполне согласиться с Э. Геллнером, что именно современные (гражданские) нации формируются в условиях перехода от феодализма к промышленному капитализму на основе экономически стимулируемых культурных различий, активно поддерживаемых государством, заинтересованным в массовой мобилизации населения, прежде всего в военных целях. «В условиях определенной социально-экономической организации, которую лучше всего описать как “индустриализм”, – как отмечал британский исследователь, – возникают и становятся политически значимыми классы (расплывчатые, не имеющие четких границ страты рыночного общества) и нации (анонимные категории людей, выделяемые и сознающие себя по признаку культурного подобия). Когда они действуют в унисон, происходит изменение политических границ. Экономическое напряжение, выраженное и усиленное культурными различиями, обретает политический потенциал и заставляет перекраивать карту. Но по отдельности ни экономическое напряжение, ни культурные различия не способны породить сколько-нибудь

существенных перемен» [Геллнер, 2002, с. 197]. На фоне унификации и одновременной политизации доминирующих культур, существенного сокращения разрыва между городом и деревней нация выступает не только интегратором разнообразных классов, но и обеспечивает эгалитарную легитимацию признанной власти, действующей теперь от её имени, постоянно ссылаясь исключительно на национальные интересы.

Другое дело, что далеко не все этнические культуры могут быть безболезненно вписаны в процесс создания общей нации, причём вокруг них могут сформироваться альтернативные националистические проекты сепаратистского характера. Вместе с тем многие из этих проектов долгие годы остаются как бы в режиме ожидания, спящем состоянии, но при благоприятных условиях могут быть вновь актуализированы с новой силой. Таким образом, оказывается, что ряд наций могут длительное время находиться (до своего официального международного признания и провозглашения суверенитета) в «подвешенном» состоянии, которое, как правило, не проходит бесследно для коллективной идентичности её представителей.

Впрочем, все-таки необходимо учитывать, что политическая мобилизация этносов и процесс превращения последних в современные нации прежде всего характерны для обществ, которые не были охвачены перманентным и стремительным переселением народов, имевшим место в Новом свете (например, в США и странах Латинской Америки). «Национализм, таким образом, опирается на ранее существовавшие идентичности и традиции, а национальные идентичности отражают такие традиции. Но национализм серьезно преобразует существовавшие ранее этнические идентичности и придает новое значение культурному наследию. Этнические корни и культурная самобытность – это только часть аспектов (и даже не всегда обязательных) создания современных наций» [Калхун, 2006, с.109]. Поэтому именно национализм, проявившийся в странах переселенческого типа, в наибольшей степени приобретал наиболее ярко выраженные гражданские черты, по крайней мере, если речь заходила о его наиболее официальной версии.

Очевидно, что формирование известных наций находится в тесной связи с возможностями современного государства, располагающего соответствующими институциональными ресурсами (печать, армия, всеобщее образование) осуществления культурной унификации и одновременно экспансии в ранее сильно отдаленные регионы страны. В данной связи можно заметить, что большинство современных государств, в отличие от своих европейских аналогов феодальной эпохи, способны активно производить самые разнообразные национальные символы, вне зависимости от требований междинастических связей и аристократического консенсуса. «Таким образом, – как замечает Р. Брубейкер, – государство является мощным “идентификатором” не потому, что оно может создавать “идентичности” в строгом смысле слова (вообще говоря, оно не может этого делать), но потому, что оно располагает материалом и символическими ресурсами, позволяющими насаждать категории, классификационные схемы и способы социального подсчета и отчетности, с которыми должны работать чиновники, судьи, учителя и врачи и которые должны иметь в виду не-государственные акторы» [Брубейкер, 2012, с. 92]. Исследователи также солидарны в том, что агенты государственной власти не обладают полной монополией на формирование национальной идентичности, тем более что сами представители гражданской нации способны осознавать себя в качестве резистентных субъектов, в определенной степени противостоящих государственным институтам и «произволу» чиновников, исходя из довольно распространенных (особенно в среде выходцев из среднего класса) представлений об автономии гражданского общества от государства. Вместе с тем «серой зоной», свободной от прямого вторжения и контроля государства, продолжает оставаться семья и довольно закрытые, преимущественно конфессиональные группы, которые могут способствовать не только сохранению, но даже производству альтернативных версий национальной идентичности.

Националистические аспекты формирования и политизации этнической субъектности

Рассуждая о гражданской нации, можно конечно предполагать, что в ней снимаются прежние не только *сословные, конфессиональные*, но и *этнические* различия, особенно когда большинство её представителей объединены значимым (и успешным) политическим проектом, где права отдельной личности гарантированы всеобщим законодательством. Однако в подобном случае фиксирования и видимой реализации гражданской нации речь скорее заходит о высоком уровне *гражданственности и патриотизма* её представителей, чем собственно о национализме, пускай даже подчеркнуто гражданском. При этом исследователи национализма постоянно наталкиваются на проблемы, связанные с конструированием этнических идентичностей и даже межэтнических конфликтов, зачастую возникающих в процессе активного нациестроительства. Можно сказать, что именно в период формирования классовых (гражданских) сообществ, которое, например, может происходить на фоне антиколониальной борьбы за независимость либо объединение страны, происходит политизация этнического сознания, то есть его сдвиг в сторону осознания себя единой нацией. По крайней мере, представители этноса (этнофоры), вещающие от лица «собственного» народа, заявляют о его коллективной воле быть не просто этносом, а именно политической нацией.

В процессе включения этноса в активный националистический дискурс его политическая субъектность, как правило, вступает в тесную связь с теми из его культурных характеристик, которые приобретают в процессе нациестроительства особое значение. «Французская революция выдвинула принцип, в соответствии с которым индивиды и общины имеют право отделиться от одного государства и примкнуть к другому. Не менее революционным в своих последствиях стал другой принцип, что государства имеют естественные границы, которые соответствуют языковой карте территории» [Кедури, 2010, с. 70]. Зачастую именно собственный язык (особенно не похожий на языки окружающих народов) становился фактором развития этнического национализма, порой усиливая требования и подтверждая права на возможность сецессии. Поэтому и развитию своего языка националисты, как правило, уделяли наиболее пристальное внимание, пытаясь использовать последний как ключевой аргумент в деле провозглашения полного суверенитета или требований политической автономии. Вместе с тем вышеописанные тенденции, а именно превращение языка в орудие национализма, в большей степени характерны именно для периода заметного становления буржуазного общества, тогда как в предшествующую эпоху, напротив, аристократы предпочитали разговаривать между собой и читать книги на иностранных языках, при этом особым почётом и распространением пользовались, например, такие языки, как латынь, обладающие одновременно церковным, сакральным, научным и церемониальным статусом.

Другим важным пунктом проявления националистических амбиций в Новое время выступило стремление националистов сохранять и культивировать разнообразные этнические традиции, искусственно преувеличивая их древность. Однако в данной связи Э. Хобсбаум и Т. Рейнджер вполне справедливо обратили внимание, что многие известные традиции, репрезентирующие известные этнические группы, включая легко узнаваемый в настоящее время национальный костюм (например, килт шотландцев), были изобретены классом восходящей буржуазии Нового времени [Hobsbawm, Ranger, 2000]. Очевидно, что националисты, особенно в XIX веке, были заинтересованы в романтизации народной культуры путём придания ей привлекательных черт для широких, но при этом уже существенно «оторвавшихся от почвы» слоёв населения. Образование европейских наций в буквальном смысле и шедшее с ним рука об руку национальное образование с опорой на вновь открытые традиции, несомненно, способствовали в целом повышению статуса простого народа и даже породили определенную моду на этническую

культуру в среде высших классов общества. Таким образом, вокруг изобретаемых традиций в XIX–XX веках складывался консенсус между различными общественными классами, получившими в пользование единую национальную культуру и зримые символы единства, что позволило существенно расширить горизонтальные связи.

Вместе с тем искусство создания (или массового производства) современных наций не было творением из ничего, а предполагало наличие специфического этнокультурного материала. Более того, британский исследователь Э. Смит в данной связи отмечал, что далеко не все так называемые изобретенные традиции, как и национальные мифы, находят отклик в массах, а скорее те из них, которые способствуют построению целостной картины мира, позволяющей связать современных людей с их собственным этническим прошлым. «Определенно к формированию нации имеет отношение нечто большее, чем националистические подделки, и “изобретение” здесь должно пониматься в другом своем смысле – как новаторская рекомбинация существующих элементов» [Смит, 2002, с. 256]. К тому же принадлежность к этнической культуре, как, впрочем, и к конфессии, даёт возможность представителям современных наций представить, кем были их довольно далекие предки в период средневековья или даже более отдаленные эпохи. «Действительный недостаток модернистской картины национализма, принимаемой столь многими историками и иными учеными, это ее определенная историческая поверхностность. Увязав нацию и национализм исключительно с переходом к современной эпохе и трактуя их как плоды “современности”, они усложнили задачу объяснения того, почему эти нации возвращаются к прошлому и ощущают свою преемственность с этническим прошлым» [Смит, 2002, с. 258]. При этом премодернистские этнические сообщества вполне очевидно могли обладать политической солидарностью на основе стремления к распространению своей культуры и языка. Другое дело, что в период, например, Средневековья динамика этнокультурной солидарности действительно существенно блокировалась их конфессиональной идентичностью и феодальным «интернационализмом» правящих классов.

Специфика формирования паттернов этнического национализма в России в первую очередь определяется советским наследием нашей страны, хотя необходимо также учитывать проблемы нациестроительства, с которыми уже сталкивалась Российская Империя в конце XIX и начале XX века, вызванные этнической неоднородностью (даже в среде довольно близких славянских народов) и быстрым включением в состав страны огромных (полиэтнических по своему составу) территорий. Так, например, политика большевиков способствовала институционализации в СССР национализма многих нерусских народов, населявших бывшую империю, при том что после распада уже советской империи многие из этих народов превратились в суверенные нации. «Оригинальность советской политики заключалась в том, что она поддерживала внешние формы национальных меньшинств в гораздо большей степени, чем национального большинства» [Мартин, 2011, с. 28]. В результате строительство коммунистического общества в СССР во многом совершалось под знаменами национализма этнических меньшинств с теми, конечно, оговорками, что эти формы (советского) национализма (из числа преимущественно угнетенных меньшинств) позиционировались как ни в коем случае не буржуазные, а подчеркнута социалистические. Руководство коммунистической партии, прежде всего с подачи В.И. Ленина, выбрало данный курс во многом с целью превентивного предотвращения появления русского национализма (большинства) или, как выражались большевики, дальнейшего развития «великодержавного великоросского шовинизма», который (справедливо или нет – другой вопрос) идентифицировался действующей властью с наследством царского режима. В данной связи североамериканский исследователь Т. Мартин справедливо отмечает: «Если воспользоваться более привычной большевистской терминологией, то можно сказать, что партия стала авангардом нерусских народов» [Мартин, 2011, с. 29]. Это, помимо всего прочего, привело к тому, что

в сознании большинства постсоветских народов *этничность* почти всегда в той или иной степени отождествляется или ассоциируется с понятием *нации*.

Оказывается, что конструирование дискурса гражданской нации в современной России в том числе затруднено из-за того, что под нацией в большинстве случаев подразумеваются, прежде всего, проживающие в стране представители той или иной этнической группы. Как справедливо заметил В.А. Тишков, «это только в России, и в некоторых других странах (например, в Китае) под национальностью понимаются этническая группа или так называемые национальные меньшинства. В остальном мире слово национальность (nationality) означает гражданство той или иной страны. Россияне уже научились при поездках за рубеж отвечать в визовых анкетах на вопрос о национальности словом “Россия”, но внутри страны национальность по-прежнему означает этническую принадлежность» [Тишков, 2013, с. 41]. Представители большинства российских этносов зачастую идентифицируют себя и собственную культуру в национальных терминах, причём даже в тех случаях, когда их народы не обладают территориально-политическими автономиями (как например, в политическом смысле детерриториализованные этнические русские). Более того, недостаточное развитие институтов гражданского общества в значительной степени цементирует сложившуюся ситуацию, в которой национализм продолжает сохранять ярко выраженную этническую окраску, при том что этнические нации внутри страны продолжают сохранять политическую субъектность даже в тех случаях, когда она носит оппозиционный или резистентный характер по отношению к федеральным властям (в качестве примера можно привести народные протесты и волнения 2018–2019 годов, возникшие вокруг территориального спора между республиками Ингушетия и Чечня).

Построение «классического» национального государства, зачастую использующего в своих целях прежде всего гражданский национализм (переходящий в патриотизм и способный даже в определенной мере сочетаться с элементами мультикультурализма), эффективность которого в последнее время была с учётом фактора глобализации заметно снижена, *не может быть реализовано в полной мере в рамках специфики современной российской государственности*. В данной связи А.И. Миллер в целом согласен с тем, что «советское наследие территориализации и институционализации этничности – делают невозможным построение в России классического национального государства именно потому, что многие нерусские группы политически мобилизованы и воспринимают себя ни как меньшинства, но как хозяева унаследованных от советского периода национальных автономий» [Миллер, 2016, с. 103]. Таким образом, институционализация этнической субъектности и мобилизация меньшинств вносят в формирование российской гражданской нации соответствующие коррективы, в частности получается, что с одной стороны есть этнические сообщества, которые входят в состав российской нации непосредственно, но с другой – существует множество этносов, входящих в состав объединённой нации опосредованным способом, а именно посредством своих автономных (республиканских) национальных структур.

Выводы

В результате проведенного анализа национализма в его связи с концептом «нация», рассматриваемого в первую очередь как идеологию горизонтальной солидаризации и мобилизации населения, можно сделать вывод, что он оказывает довольно существенную роль в формировании как гражданских, так и этнических идентичностей жителей большинства стран современного мира. При этом повсеместно обнаруживаемые версии национализма – гражданский национализм и национализм этнический, несмотря на свои отличия, находятся в постоянном взаимодействии, зачастую они накладываются друг на друга, обмениваясь теми или иными культурными паттернами и символами.

Мировой опыт показывает, что гражданский национализм может способствовать профилактике и сглаживанию межэтнических конфликтов вокруг единых гражданских символов (а также путём роста эскалации, усиления режима противостояния или интенсификации конкуренции с другими суверенными нациями), тогда как этнический национализм в той или иной степени выступает (порой, правда, только дремлющим) механизмом потенциальной сецессии, но при этом и тот и другой являются способами поддержания в обществе (или внутри отдельного этнического сообщества) солидарности и классового компромисса. В России мы также наблюдаем процессы (доставшиеся преимущественно в наследство) институционализации этничности (в первую очередь меньшинств), что существенным образом корректирует или даже блокирует формирование общероссийской гражданской нации. Это в свою очередь приводит к усилению в процессе нациестроительства в России роли самого государства, выступающего интегратором разнообразных этнических идентичностей, посредством контроля над множеством территориально-республиканских образований.

Список литературы

1. Андерсон Б. 2016. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., Кучково Поле, 416 с.
2. Бек У. 2001. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., Прогресс-Традиция, 303 с.
3. Брубейкер Р. 2012. Этничность без групп. М., Изд. Дом Высшей школы экономики, 408 с.
4. Геллнер Э. 1991. Нации и национализм. Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; М., Прогресс, 319 с.
5. Геллнер Э. 1991. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. В Кн.: Нации и национализм М., Праксис: 146–200.
6. Калхун К. 2006. Национализм. М., Издательский дом «Территория будущего», 288 с.
7. Кедури Э. 2010. Национализм. СПб., Алетейя, 136 с.
8. Луман Н. 2009. Самоописания. М., Логос, Гнозис, 320 с.
9. Мартин Т. 2011. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 855 с.
10. Миллер А.И. 2016. Нация, или Могущество мифа. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 146 с.
11. Смит Э.Д. 2002. Национализм и историки. В кн.: Нации и национализм. Пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М., Праксис: 236–263.
12. Смит Э. 2004. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма М., Праксис, 464 с.
13. Тишков В.А. 2013. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., Наука, 648 с.
14. Хобсбаум Э. 1998. Нации и национализм после 1780 года. СПб., Алетейя, 305 с.
15. Hobsbawm E., Ranger T.O. 2000. The Invention of Tradition. Cambridge: University Press, 320 p.

References

1. Anderson B. 2016. Voobrazhayemyye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow, Publ. Kuchkovo Pole, 416 p.
2. Bek U. 2001. Chto takoye globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu [What is Globalization? The mistakes of globalism are the answers to globalization]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya, 303 p.
3. Brubeyker R. 2012. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without groups]. Moscow, Publ. Vysshey shkoly ekonomiki, 408 p.
4. Gellner E. 1991. Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism]. M., Publ. Progress, 319 p.

5. Gellner E. 1991. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa. [The advent of nationalism. Myths of the nation and class]. In: Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism] M., Praxis: 146–200.
6. Kalkhun K. 2006. Natsionalizm [Nationalism]. Moscow, Publ. Territoriya budushchego, 288 p.
7. Keduri E. 2010. Natsionalizm [Nationalism]. SPb., Publ. Aleteyya, 136 p.
8. Luman N. 2009. Samoopisaniya [Self-description]. M., Publ. Logos, Gnozis, 320 p.
9. Martin T. 2011. Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939 [The Empire of Positive Action. Nations and Nationalism in the USSR, 1923-1939]. Moscow, Publ. Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Fond Prezidentskiy tsentr B.N. Yel'tsina, 855 p.
10. Miller A.I. 2016. Natsiya, ili Mogushchestvo mifa [Nation, or the Power of Myth]. SPb., Publ. Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 146 p.
11. Smit E.D. 2002. Natsionalizm i istoriki. [Nationalism and historians]. In: Natsii i natsionalizm. [Nations and Nationalism]. Translated from English and German by L.E. Pereyaslavtseva, M.S. Panina, M. B. Gnedovsky. M., Praxis: 236–263.
12. Smit E. 2004. Natsionalizm i modernizm: Kriticheskiy obzor sovremennykh teoriy natsiy i natsionalizma [Nationalism and modernism: A critical review of modern theories of nations and nationalism]. Moscow, Publ. Praxis, 464 p.
13. Tishkov V.A. 2013. Rossiyskiy narod. Istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya [Russian people. History and meaning of national identity]. Moscow, Publ. Nauka, 648 p.
14. Khobsbaum E. 1998. Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and Nationalism after 1780]. SPb., Publ. Aleteyya, 305 p. (in Russian)
15. Hobsbawm E., Ranger T.O. 2000. The Invention of Tradition. Cambridge, Publ. University Press, 320 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-российского Государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey S. Chernykh, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor Platov South-Russian State Technical University (NPI), Novocherkassk, Russia